

Где прячется Волшебство?

Чего только не рассказывают о гномах! Эти прилежные рудокопы и искусные мастера владеют несметными сокровищами, любят вкусно поесть и повеселиться и не прочь подшутить над тем, кто падок на дармовщинку. При этом в каждой стране у гномов свои порядки и обычаи.

Эта сказка — о польских гномах, краснолюдках. Так называют их за неизменный наряд — красные плащи и длинные красные колпачки. Когда-то давно эти добрые и весёлые малыши жили в каждой крестьянской хате. Хозяевам, которые не забывали покормить их кусочком хлеба и молоком, гномы охотно помогали во всех делах, и жилось в таком доме легко и радостно. С тех пор многое изменилось, гномы ушли в леса и горы, но иногда они всё же появляются среди людей. Вот как раз одна из достоверных историй об этом. Её рассказал участник тех событий — придворный летописец короля гномов, а услышала и записала Мария Юзефовна Конопницкая.

Эта польская писательница и поэтесса жила в конце XIX — начале XX века. Мария Конопницкая «имеет настоящий талант, который просвечивается через её строки, как лучи рассвета сквозь туман», — считал признанный классик польской литературы Генрих Сенкевич. Многие стихи Марии Конопницкой были положены на музыку и ещё при её жизни исполнялись как народные песни. Кроме многочисленных «взрослых» рассказов, статей, стихов и поэм, она написала целых 11 книг для детей. Больше всего маленьким читателям понравилась как раз сказка «О гномах и сиротке Марысе».

Музыка

К

нига Марии Конопницкой «О гномах и сиротке Марысе» появилась в моей жизни в 1992 году — я купила её, пленившись прекрасными иллюстрациями Геннадия Спирина.

Вечерами, читая дочке главу за главой, я всё больше очаровывалась и плавными изгибами сюжета, и самой манерой изложения — книга звучала, как пастушья свирель где-то в горах. Дочка выросла, и книга заняла почётное место на полке среди других детских книг.

Когда издательство «Лабиринт» предложило мне проиллюстрировать этот текст, я поначалу впала в панику: казалось, что после Геннадия Спирина, рисунками которого я всегда восхищалась, будет невозможно найти свой язык, свои образы Марыси и гномов... Но оказалось, что достаточно вспомнить поездки в Польшу: кремовые завитки крыш Варшавы, солнечный ветер, гуляющий по Кракову, узкие дороги предгорий Татр, груды тыкв на перекрёстках, тёплые огоньки маленьких домиков, в сумерках подмигивающие из-за яблоневых садов, — как карандаш сам запорхал по бумаге, пытаюсь передать, убедительно и максимально честно, мир, в котором крохотные человечки и говорящие звери так же реальны, как обычные люди.

Именно для того чтобы маленькие читатели и их родители поверили мне и автору, я уделила очень много внимания точности изображения польских народных костюмов, домиков, предметов быта, животных, пейзажей (уж если горы, так — Татры!), трав и цветов.

Конопницкая исключительно трудный и простой в этом смысле автор — она очень подробно описывает всех своих героев: кто как одет, какого цвета волосы, как устроены

чудесного мира

интерьеры и лесные полянки, в которых происходят события книги. Ни шагу в сторону... Но это же очень интересно: при таких узких рамках создать максимально широкую картину мира!

Некоторое время я подбирала прототипов для своих героев. В последние годы мне доставляет массу удовольствия находить детей и взрослых, которым я предлагаю сыграть маленькие роли, работая с ними как режиссёр, делая фотографии и зарисовки, — это помогает сделать персонажей очень живыми и характерными.

К сожалению, гномов для позирования подыскать не удалось — пришлось придумывать самой. Но за счёт того, что всё остальное очень достоверно, и они получились живыми и убедительными.

Возможно, написать так пронзительно о любви и отчаянии, мужестве и чванстве, щедрости и лжи мог только человек, глубоко верящий в неистощимую чудесность мира, в котором всегда побеждает добро. Мне очень хотелось соответствовать, и я от всей души надеюсь, что мелодия моих рисунков не внесла диссонанс в волшебную музыку Марии Конопницкой.

О. Цонгайтис

Правда это или байка —
Так суди иль по-иному,
Верь, не верь, а всё ж узнай-ка:
Есть народец малый — гномы.

Как ему не подивиться!
Невелик росточком вышел —
Войско в тыкве уместится:
Каждый семечка повыше.

Где ж они? А на пригорке,
И под камнем, и в чулане,
В каждой ямке, в каждой норке —
Вот спроси у старой няни!

И в запечье, и под печкой,
В узкой щёлке половицы —
Уж найдёт себе местечко,
Всюду может поместиться!

Глядь — готовит за кухарку,
Сахарку слизнул немножко,
С сковородки стянет шкварку,
Под столом подымет крошку...

Щёлкнул кнут в конюшне глухо —
Знать, коню сплетает гриву...
Шепчет сказку детям в ухо...
Ну и чудо! Ну и диво!

Знают выходы и входы,
Все увёртки, все уловки!
Нет проворнее народа —
Ну и прятки, ну и ловки!

Так суди иль по-иному,
Верь, не верь, вини в обмане —
Только есть на свете гномы!
Вот спроси у старой няни!*

* Стихи в переводе А. Исаевой и Лены Гулыги.

Как придворный летописец короля Светлячка узнавал, *когда придёт весна*

I

Зима была такая долгая и студёная, что Его Величество Светлячок, король гномов, примёрз к своему трону. С его седой бороды, посеребрённой инеем, свисали сосульки, обледенелые брови сердито и грозно топорщились. Замёрзшие капли росы жемчужинами сверкали на короне, а пар от дыхания изморозью оседал на ледяных стенках Грота. Королевские подданные, проворные гномики, надвинули на самый нос свои длинные колпачки и плотно закутались в красные плащи. А некоторые сделали себе шубы и кафтаны из бурого и зелёного мха, собранного в лесу ещё осенью, из трута, шишек, беличьего пуха и пёрышек, что обронули птички, улетаая за синее море.

Но королю не годится одеваться как попало. Он и зимой и летом носил пурпурную мантию. С незапамятных времён служила она королям гномов и уже порядком поистёрлась и прохудилась — ветер продувал её насквозь. Но, будь эта мантия даже новой, она ничуть бы не грела — сотканная из паутинок, которые весной протягивают по пашне красные паучки, она была не толще макового лепестка.

Вот и дрожал король в своей мантии, зуб на зуб не попадал, и всё дышал на руки: они до того окоченели, что еле удерживали скипетр. В ледяном дворце огня ведь не разведёшь. А не то и пол и стены потрескаются.

Оставалось согреться сиянием золота и серебра, лучистым пламенем бриллиантов, крупных, с яйцо жаворонка, переливами солнца в хрустальных стенах тронного зала да сверканием длинных мечей, которыми размахивали храбрые гномы, чтобы удаль свою показать, а заодно и разогреться. Но тепла от всего этого было мало, и бедный старый король только лязгал немногими уцелевшими зубами, с нетерпением поджидая весну.

— Сморчок, мой верный слуга! — позвал король одного из придворных. — Выгляни-ка наружу, не идёт ли весна?

Но Сморчок ответил смиренно:

— Государь мой и повелитель! Не время мне вылезать из-под земли, пока не зазеленела крапива под плетнями. А до той поры ещё далеко!

Кивнул король головой и подозвал другого придворного:

— Синичка, может, ты выглянешь?

Но Синичке тоже неохота было нос высовывать.

— Государь мой и повелитель! — ответил он. — Моё время придёт, когда защебечет трясогузка. А до той поры ещё далеко!

Помолчал король, но, видно, холод пробирал его не на шутку, и он опять сказал:

— Букашка, мой верный слуга, хоть ты посмотри, не пришла ли весна?

Но и Букашке не хотелось вылезать на мороз.

— Государь наш и повелитель! — с поклоном ответил он. — Моё время придёт, когда мушка проснётся под прошлогодним листом. А до той поры ещё далеко!

Опустил король бороду на грудь и вздохнул, да так тяжело, что в Гроте поднялась метель и ничего не стало видно.

Прошла неделя, прошла другая, и вот в одно прекрасное утро сделалось светло-светло. Закапало с сосулк на королевской бороде, подтаял снег на королевских волосах, расправились смёрзшиеся брови, и по усам, словно слезинки, покатались капли.

На стенах тоже начал таять иней, а лёд трескался с таким грохотом, будто Висла вскрывалась. Стало так сыро, что король и все придворные принялись оглушительно чихать — ну совсем как пушечная канонада.

И то сказать — носы у гномов знатные!

Сами-то они народец мелковатый: увидит гномик крестьянский сапог, остановится, разинет рот и дивится, думает — башня. Забредёт в курятник и спрашивает: «Это что за город такой и далеко ли до заставы?» В пивную кружку свалится — и ну верещать: «Спасите, в колодец упал!»

Вот какая мелюзга!

Зато носы у них что надо. Такие бы носища любителям табачок понюхать! Как расчихались и начали друг дружке и королю здоровья желать — земля задрожала.

СЪСТАВИ
ПРЕДЪМНО
ПОСЛЕДНО
АПОЛО
КА ЗАХАР
СОЛЕНО
ПРОЧЕТО

На ту пору крестьянин в лес по дрова ехал. Услыхал, как гномы чихают, и говорит:

— Вот те на! Гром гремит! Значит, весна зиму поборола!

Подумал, что это весенний гром, и немедля повернул к корчме: чего зря деньги на дрова переводить. Так и просидел там до вечера — всё рассчитывал да прикидывал, как бы с работой управиться вовремя.

Меж тем и вправду потеплело. К полудню у всех гномов оттаяли усы.

Начали они совещаться, кого послать посмотреть, пришла ли весна.

Судили, рядили, наконец король Светлячок стукнул об пол своим золотым скипетром и молвил:

— Пусть наш учёный летописец Чудило-Мудрило пойдёт и проверит, пришла ли весна.

— Вот мудрое королевское слово! — наперебой закричали гномы и усталились на учёного по имени Чудило-Мудрило.

А тот сидел, как всегда, над огромной книгой, в которую записывал историю королевства гномов с древнейших времён: откуда они ведут свой род, какие у них были короли, с кем они воевали и кого победили.

Он описывал без прикрас всё, что видел и слышал, а чего не видел, сам придумывал, да так складно, что заслушаешься, как начнёт читать.

Это он первый доказал, что гномы, хоть ростом с вершок, на самом деле — великаны. Просто они съёжились, чтобы сукна выходило поменьше на плащи да кафтаны: больно уж нынче всё дорого.

Гномы очень гордились своим летописцем. Попадутся им цветы — тут же сплетут венки и возложат ему на макушку. Последние волосы этими венками повытерли, и голова у него стала голая, как колено.

II

Вот стал Чудило-Мудрило собираться в дорогу. Запасся целой бутылкой чёрных-пречёрных чернил, очинил большое гусиное перо и вскинул его на плечо, как ружьё, чтобы нести легче было. Потом привязал книги за спину, подпоясился ремешком, надел колпак, сапоги, закурил свою длинную трубку — вот и в путь готов.